

Пора ставить диагноз

Российское общество тяжело больно. Именно общество, а не только власть или даже экономика. Неолиберальная реформа привела к распаду социальных связей, нарушила режим социального воспроизводства, существовавший в советской системе, не сумев на его месте создать новых устойчивых и самодостаточных механизмов. Парадокс неолиберализма состоит в том, что, будучи наиболее агрессивной и жесткой формой капиталистической реставрации, он оказывается неспособен установить на собственной основе стабильную и прочную систему капиталистических социальных отношений. Этот парадокс вполне объясним. Ведь неолиберализм даже в рамках капиталистической системы разрушает традиционные отношения и механизмы, на которых держалось общество. Будучи идеологией и практикой тотального рынка, неограниченного и безжалостного превращения всего и вся в товар, он оказывается несовместим с любыми социальными процессами, лежащими за пределами рынка, подрывает, подавляет или уничтожает их. Катастрофические последствия такого подхода последовательно критикуются сегодня только левыми, хотя они должны быть очевидны всякому человеку, знакомому с основами социологии или просто обладающему элементарным здравым смыслом. В прошлом даже убежденные сторонники капитализма признавали, что далеко не все может быть решено рыночными методами. Австрийский либеральный экономист Шумпетер в середине XX века анализи-

ровал естественные границы рынка, доказывая, что частный капитал со своим «творческим разрушением» не может выходить за определенные пределы. В противном случае хитроумное шумпетеровское «творческое разрушение» превратится в банальный геноцид и апокалипсис. Что, собственно, и происходит сегодня. Постепенное, но неуклонное наступление неолиберализма лучше всего определяется как дозированный и поэтапный апокалипсис.

Традиционные институты общества и государства, моральные принципы исторических религий и культурные ценности, все это не просто живет не по законам рынка, но и является очень важным элементом капиталистического общества именно потому, что создает в нем некоторый баланс, противовес рынку и разгулу частного интереса. Неолиберализм — в отличие от куда более умеренного классического либерализма — отрицает это, требуя распространения рыночных отношений на все сферы, куда им раньше путь был заказан.

В Восточной Европе и России триумф неолиберализма, однако, оказывается куда более разрушительным и катастрофическим, нежели на Западе. Ведь в странах Западной Европы и даже Латинской Америки капиталистическая система была создана задолго до неолиберализма. Сегодня неолиберализм подрывает общественные институты, а они сопротивляются. Эта борьба происходит в рамках уже сложившегося капиталистического общества, отражая постоянно меняющийся и подвижный баланс

классовых сил. Напротив, в России и других постсоветских республиках мы наблюдаем ситуацию, когда капитализм приходит сразу же в своей неолиберальной форме, тем самыми делая невозможным формирование внерыночных буржуазных социальных институтов, необходимых для стабильного воспроизводства капитализма. На Западе неолиберализм дестабилизирует буржуазное общество, а в России блокирует его институциональное развитие, не дает ему стабилизироваться.

Относительная стабилизация российского капитализма, конечно, имела место, но именно в короткий период начал 2000-х годов, когда российская правящая бюрократия готова была на некоторое время отойти от неолиберальных принципов в пользу более сбалансированной версии развития, включавшей государственное вмешательство или регулирование. Однако кризис 2008–10 годов не только не способствовал усилению роли государства в экономике, но, напротив, привел к реваншу неолиберальных сил, овладевших инициативой в правительстве. Такой поворот событий был, впрочем, закономерен. Никакой левой или даже центристской альтернативы не было ни в правительстве, ни в низах общества. Гегемония неолибералов остается очевидным фактом на политическом уровне, даже если на культурном уровне она поколеблена. И подобная ситуация наблюдается не только в России.

Специфика России, Украины и других постсоветских стран состоит еще и в том, что социальное государство, разрушаемое неолиберальным наступлением, не является органической частью буржуазной системы. Здесь, конечно, можно сделать оговорку. В известном

смысле и на Западе социальное государство представляет собой небуржуазный и некапиталистический элемент в капиталистической системе (так же, как буржуазные институты могли существовать в рамках феодального общества и государства позднего Средневековья и раннего Нового Времени). Но тут есть различие. Даже если институты социального государства современного Запада являются своего рода элементом социализма в капитализме, даже если они своим возникновением обязаны в первую очередь классовой борьбе трудящихся, эти структуры все равно сложились и выросли внутри капиталистической системы, адаптированы к ней, к соответствующему типу социального расслоения, классовых противоречий, экономических отношений и т.д. Напротив, в России и Украине мы имеем сегодня остатки советского социального государства, в значительной мере разложившиеся, отчасти приспособившиеся к новому порядку, но все равно не связанные с ним органически. Именно это делает конфликт еще более напряженным и радикальным. Ведь в Западной Европе капитал может теснить социальное государство по мере того, как меняется соотношение сил, но все это происходит в рамках позиционной войны, ведущейся внутри общества, более или менее сохраняющего свою целостность. А в наших краях цель капитала состоит не в том, чтобы потеснить эти структуры, а в том, чтобы их разрушить полностью, уничтожить как таковые, ликвидировать чужеродный элемент, не вписывающийся в новую систему. И это по-своему логично. Капитализм вполне естественно стремится уничтожить, скажем, систему образования, построенную таким образом, что она

полностью игнорирует классовые различия и присущий буржуазному обществу тип разделения труда. Оно, это все еще советское образование, не может даже играть роль полноценного «социального лифта», как в других буржуазных странах, ибо строилось с совершенно иными целями.

Неолиберальная политика вполне логично пытается уничтожить советские институты, но, увы, она органически неспособна создать свои собственные, в духе идей того же Шумпетера. В результате борьба либералов против советского образования на практике оборачивается и не может быть ничем иным, кроме как попыткой уничтожения массового образования вообще, борьба против советской медицины является борьбой против современной системы здравоохранения, а отказ от советской жилищной политики предполагает отсутствие жилищной политики как таковой.

Совершенно ясно, что со своей стороны борьба за сохранение образования, здравоохранения, других социальных и трудовых прав не может быть ничем иным, как борь-

бой против всего комплекса неолиберальной политики и не может завершиться успехом до тех пор, пока не будет уничтожен как минимум неолиберализм, если и не капитализм вообще. Однако это отнюдь не значит, будто проработку конкретных вопросов мы можем заменить общими антибуржуазными лозунгами и призывами к сопротивлению. Именно потому, что ставки в этой борьбе чрезвычайно высоки, необходим четкий и детальный анализ ситуации, понимание реальных проблем и противоречий на местах, поиск конкретных отраслевых стратегий, которые могли бы консолидировать различные слои общества вокруг новой радикальной программы, отражающей их потребности и интересы.

Социальный диагноз, позволяющий констатировать и системно осмыслить социальную болезнь, поразившую Россию (и не только ее одну), — первый шаг к общественному диалогу и выстраиванию общественно-политических коалиций, которые станут рано или поздно опорой нового левого движения.